

Приселкову, в составлении летописных сводов XII—XV веков принимают участие уже преимущественно князья. Таким образом не остается места для участия в летописании каким-либо другим кругам населения.

Стремление А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова объяснить все летописание с точки зрения церковного или княжеского участия несомненно затемняет правильное представление о характере русской литературы древнего времени. Между тем такой же точки зрения о преобладании церковного элемента в создании летописей держится и советский ученый В. Т. Пашуто, написавший книгу по истории Галицко-волинской земли. Известно, что Галицко-волинская летопись XIII века, составляющая последнюю часть Ипатьевской летописи, отличается необычным расположением материала, который не укладывается в наше представление о летописном своде. Так, расстановка годов в Ипатьевском списке внесена уже в готовый летописный текст и плохо отвечает действительной хронологии событий. Существуют и такие списки Галицко-волинской летописи (Хлебниковский список), в которых годы совершенно не указаны.

Гражданский характер Галицко-волинской летописи неоднократно подчеркивался исследователями, да и в ней самой находим прямое указание на то, что ее составители заботились о сплошном, а не погодном изложении исторических событий: „хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя; чьтый мудрый разумееть; число же летом зде не писахом“.¹ Несмотря на это замечание самих составителей Галицко-волинской летописи, В. Т. Пашуто считает, что в Галицко-волинской летописи мы имеем в сущности несколько летописных сводов, которые были составлены по преимуществу при княжеских или епископских дворах. Так, появляется „княжеский Холмский свод митрополита Кирилла, составленный вероятно до отъезда его в Nikeю, только около 1246 г.“² Другая часть Галицко-волинской летописи признается летописью епископа Ивана, хотя этот епископ только трижды упомянут в наших источниках. Впрочем, и сам В. Т. Пашуто, рассказав о деятельности епископа Ивана, приходит к некоторым печальным выводам: „Последующие редакции настолько деформировали холмскую летопись владыки Ивана, что сделать еще какие-либо выводы относительно ее состава, а также датировки едва ли возможно“.³ Так, никому не известный епископ оказывается одним из творцов великолепного памятника древнерусской письменности, брызжущего светской жизнерадостностью, столь характерной для Галицко-волинской летописи.

Теперь, когда мы знаем о распространении письменности в кругах городского населения, купцов и ремесленников, уместно поставить вопрос о пересмотре всего наличного богатства нашей древней письменности. Замечательно, что среди дошедших до нас памятников письменности, которым удалось войти в поле изучения историков литературы, мы как раз найдем произведения, носящие ясные черты их составления в среде, которую едва ли можно признать верхушкой феодального общества XII—XIII веков. Вспомним хотя бы знаменитое „Моление Даниила Заточника“. Что бы мы ни утверждали об авторе этого моления, или, вернее, об авторах этого моления, дошедшего до нас в двух ре-

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 544.

² В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-волинской Руси. Изд. АН СССР, 1950, стр. 91—92.

³ Там же, стр. 101.